

Глава 8. Признание

Сяо Чэньюй лежал на циновке под деревом, закинув ногу на ногу, и с удовольствием наблюдал, как Ван Чи трудится в поле.

Не зря он положил глаз на его тело — смотреть было одно удовольствие.

Крепкая, рельефная грудь, чётко очерченные кубики пресса. Когда Ван Чи наклонялся, мышцы на руках и по бокам туго натягивались. Сяо Чэньюй невольно сглотнул, глядя, как по этому телу скатываются капли пота.

Дерево, под которым он лежал, росло у поворота деревенской дороги, и оттуда открывался отличный обзор. Поэтому, когда в конце дороги появился худощавый силуэт Лян Юэ, Сяо Чэньюй сразу его заметил.

Когда тот подошёл ближе, он спросил:

— Куда идёшь?

Лян Юэ взглянул на Ван Чи, что потел в поле, потом на циновку под Сяо Чэньюем, ничего не комментируя и ответил:

— Иду к реке, ноги помыть.

Тут Сяо Чэньюй заметил, что тот босиком: ноги и голени были перепачканы в грязи.

Он сразу поморщился:

— В грязь упал, что ли?

— Нет, — пошевелил пальцами ног Лян Юэ. — Просто босиком в поле пошёл.

Сяо Чэньюй удивился.

Поле ведь всё в грязи... как можно босиком туда лезть? Тогда почему Ван Чи носит сапоги?

Он ещё не успел прийти в себя от удивления, как Лян Юэ уже ловко спрыгнул с дороги, подхватил пучок рассады и стал работать вместе с Ван Чи.

Ван Чи, воткнув последний рядок, поднял голову и увидел, как тот к нему подходит.

— Сяо Чи-гэ, — сказал Лян Юэ, — давай я тебе помогу.

— Каникулы ведь только на следующей неделе начинаются, — удивился Ван Чи. — Сегодня же не выходной. Почему не в школе?

— Дедушка отпросил меня, — ответил тот.

— И что сказал?

— Что сельхозработы.

Опять эти «отпрашивания» и «сельхозработы». У семьи деда Ляна всего-то клочок земли — неужели там столько дел, что надо ребёнка из школы забирать?

Ван Чи было неприятно, но он не подал виду. В конце концов, только сказал:

— Когда будешь делать домашку и чего-то не поймёшь, приходи, помогу.

Лян Юэ поднял лицо и улыбнулся:

— Спасибо, братец.

Ван Чи не выдержал смотреть на его улыбку и отвернулся. И тут, повернув голову, увидел, как Сяо Чэньюй у края поля снимает обувь и носки... а затем осторожно опускает босые ступни в вязкую грязь.

— Что ты делаешь?! — насторожился Ван Чи.

— Хочу тоже попробовать босиком, — ответил Сяо Чэньюй, и, сказав это, вдавил ногу в грязь до конца. Скользящая, прохладная масса проскользнула меж пальцев ног.

Юноша не удержался от лёгкого щекотания. Он поднял ногу, снова опустил, повторил несколько раз и, восхищённо выдохнув, сказал:

— Как же странно и приятно!

У Ван Чи снова заболела голова.

Сяо Чэньюй, шагавший по полю туда-сюда, словно нашёл себе новое развлечение, выглядел полной противоположностью Ван Чи и Лян Юэ, что, не поднимая головы, усердно работали рядом.

Когда участок был закончен, Ван Чи крикнул, что пора домой. Сяо Чэньюй с явным сожалением протянул:

— Так быстро уходим?

Ван Чи молча натянул рубаху, сказать ему было нечего.

Перед возвращением домой Лян Юэ пошёл к реке помыть ноги. Сяо Чэньюй тут же собрался идти за ним, но Ван Чи схватил его за рукав и остановил.

— Ты чего? — раздражённо отдернул руку Сяо Чэньюй.

— К реке нельзя, — строго сказал Ван Чи. — Опасно.

Почему это ему нельзя, а Лян Юэ можно? Что он, по-твоему, ребёнок? Сяо Чэньюй нахмурился, не послушал и пошёл обходным путём, собираясь догнать Лян Юэ.

Но Ван Чи догнал его в два шага, перехватил за талию и, не дав вырваться, просто закинул в кузов трёхколёсного мотоцикла.

— Сказал же, у реки опасно. Дома помоешься.

Он быстро поднял борт, скрутил циновку и закинул её в тележку.

Сяо Чэньюй от этого броска чуть не затошнило, и, пока он приходил в себя, трёхколёсник уже гремел по дороге, покачиваясь из стороны в сторону.

Даже когда они въехали во двор, он всё ещё сердился на грубость Ван Чи. Но стоило тому вынести шланг, подключённый к водопроводному крану, настроение Сяо Чэньюя тут же изменилось.

Он смыл грязь с ног, потом, не удержавшись, стал брызгаться водой, гонялся босиком по двору, а пёс Юаньбао прыгал за струёй, клацая зубами. Через пару минут и человек, и собака уже были мокры с головы до пят.

— Не понимаю, что в этой трубе такого весёлого, — проворчал Ван Чи, стараясь увернуться от летящих капель. Он уже собирался сказать, чтобы Сяо Чэньюй шёл в душ и переоделся, как вдруг тот вскрикнул:

— Ай! — и, подняв ногу, уставился на подошву.

Сердце Ван Чи ёкнуло. Он поспешно перекрыл воду, подошёл и увидел, что на ступне был тонкий порез, из которого сочилась кровь.

...Сяо Чэньюй, укутанный влажным полотенцем, сидел на краю кровати, в руке сжимал сотню юаней, только что выпросившую у Ван Чи.

Сам Ван Чи сидел напротив, на низеньком табурете, держа на коленях его ногу.

Когда Ван Чи наклонился рассмотреть рану поближе, то заметил, что к порезу прилипла грязь — значит, он порезался ещё в рисовом поле.

Опасаясь заражения, Ван Чи смочил ватную палочку в йоде и стал осторожно обрабатывать рану.

Сяо Чэньюй жалобно дёрнул ногой:

— Эй! Больно же!

Ван Чи крепко удержал юношу за щиколотку, не давая вырваться, и поднял взгляд:

— Кто тебя просил босиком в поле лезть? Сам виноват.

— А Лян Юэ тоже босиком был! — не уступал Сяо Чэньюй.

— Он к этому привык, часто работает. У него ступни в мозолях, а ты? — сказал Ван Чи и невольно провёл большим пальцем по его нежной коже.

Сяо Чэньюй вдруг засмеялся:

— Щекотно! Не трогай, не трогай!

Тогда Ван Чи, не говоря больше ни слова, одной рукой удерживал его ногу, а другой сосредоточенно обрабатывал рану.

Сяо Чэньюй аккуратно сложил заработанную сотню юаней, бережно спрятал её в карман, а потом, опёршись рукой о край кровати, стал рассматривать Ван Чи.

Его волосы были коротко подстрижены, открывая широкий лоб. Из-под густых коротких ресниц блестели чёрные глаза, пристально следившие за ранкой. В сочетании с прямым носом и тонкими губами это придавало лицу мужественную суровость. Прямая спина, широкие плечи,

под одеждой угадывались крепкие грудные и брюшные мышцы. Чем дольше Сяо Чэньюй смотрел, тем сильнее ему нравилось.

Если честно, сначала им двигало простое влечение — он остался здесь именно потому, что не мог отвести глаз от Ван Чи. Но сейчас, глядя, как тот терпеливо и осторожно обрабатывает его рану, Сяо Чэньюй вдруг понял: одного влечения уже недостаточно.

Он немного помолчал, потом неожиданно сказал:

— Брат, кажется, я тебя немного... полюбил.

Рука Ван Чи дёрнулась, и ватная палочка больно прижалась к порезу.

Сяо Чэньюй вскрикнул, схватился за ногу и заёрзал по кровати:

— Ай-ай-ай! Больно!

Словно не услышав его признания, Ван Чи спокойно спросил:

— Ещё не закончил. Продолжать?

Сяо Чэньюй кивнул, снова вытянул ногу и положил её к нему на колени.

Через несколько минут всё было готово — рану обработал, мазь нанёс. Ван Чи отпустил ногу и сказал:

— Готово.

И тут же увидел — на щиколотке юноши отпечатались отчётливые следы его пальцев, красные, заметные.

Он уставился на них, не в силах отвести взгляд.

Сяо Чэньюй убрал ногу, потом неожиданно произнёс:

— Брат, ты ведь тоже меня любишь, да?

Ван Чи промолчал.

— Тогда давай встречаться, — мягко, но уверенно добавил Сяо Чэньюй.

Ван Чи резко встал.

Сяо Чэньюй, видя, что тот молчит, спросил:

— Ты что, не хочешь со мной встречаться?

Ван Чи нахмурился:

— Встречаться? О чём вообще ты говоришь?

Сяо Чэньюй широко распахнул глаза, совершенно искренне:

— Ну... встречаться, в смысле... любовь, отношения.

— Не шути так больше, — резко произнёс Ван Чи, поставил на стол пузырёк с йодом, даже не посмотрел на него и, развернувшись, вышел из комнаты.

Сяо Чэньюй остолбенело просидел на кровати несколько секунд, потом вдруг улыбнулся, упал на спину и, смеясь, несколько раз перекатился по постели.

Ван Чи быстрым шагом вышел из дома и направился к лавке Ван Синьлэя.

— Пачку «Сяо Су», — коротко сказал он.

Ван Синьлэй швырнул ему сигареты, а когда тот уже выходил, схватил зажигалку и пошёл за ним следом. Они сели рядом на камень у дороги.

У Ван Чи, действительно, не было зажигалки — он чиркнул огоньком у Синьлэя, закурил и сделал первую затяжку.

Отвыкнув от дыма, он тут же закашлялся. Только после нескольких затяжек в лёгких снова появился привычный, но горький вкус табака.

Ван Синьлэй осторожно спросил:

— Как мама? Слышал, в прошлом месяце вы ездили на обследование. Что сказали врачи?

Сколько он себя помнил, его двоюродный брат Ван Чи никогда не курил, не пил — кроме одного времени, три года назад, когда тётя только узнала, что у неё рак шейки матки. Тогда Ван Чи внезапно пристрастился к сигаретам — курил одну за другой. А потом, когда болезнь удалось вылечить, бросил.

И вот теперь снова курит... Неужели с тётей опять что-то случилось? Ван Синьлэй ощутил тревогу.

Ван Чи бросил на него короткий взгляд:

— Всё с ней хорошо.

Тот облегчённо вздохнул:

— Ну, слава богу. А что тогда случилось? Что-то ещё стряслось?

— Ничего. С чего ты взял? — отрезал Ван Чи и, морщась, отвёл сигарету подальше — дым щипал глаза.

Простой и прямодушный Ван Синьлэй не умел читать по лицам и словам, поэтому поверил буквально:

— Скоро каникулы! Я вот думаю, сходить с Сяо Тан в город... в кино. Мы с ней целый семестр нормально не выбирались. Хочется перед свадьбой ещё немного побыть влюблёнными.

Сяо Тан — полное имя Шэн Тан, сестра Шэн Цаня, невеста Ван Синьлэя. Сейчас она преподаёт в начальной школе в деревне.

Услышав слова «побыть влюблёнными», Ван Чи глубоко затянулся, но ответил лишь коротким:

— Угу.

Ван Синьлэй, разошедшись, спросил с воодушевлением:

— Слушай, Чи-гэ, как думаешь, для свидания лучше боевик или мелодрама? Или, может, оба посмотреть?

Ван Чи молча затянулся, выдохнул дым и продолжил курить, не говоря ни слова.

А Ван Синьлэй всё говорил и говорил, не замечая его настроения:

— После кино мы хотим сходить на гончарку. Говорят, сейчас у молодёжи, когда встречаются, это очень популярно. Вот и мы решили — почему бы не попробовать, хоть немного «в ногу со временем».

«Встречаются, встречаются...» — эти слова уже начинали действовать Ван Чи на нервы.

Он раздражённо перебил двоюродного брата:

— А ты магазин бросил, да?

И, отмахнувшись, добавил:

— Иди, смотри за своей лавкой. Чего прилип? Думаешь, дышать моим дымом весело?

Ван Синьлэй осёкся.

Он послушно поднялся, но уходил медленно, всё время оглядываясь. Шаг, потом ещё один, и снова взгляд через плечо.

Что с ним происходит? — с тревогой думал он. — Раньше же спокойный был, уравновешенный. А теперь то сорвётся, то прикрикнет...

Ван Синьлэй вспомнил, как несколько дней назад Ван Чи не позволил ему снять рубашку, теперь вот даже говорить не даёт.

Наверное, жара действует, — решил он наконец. — От жары и злость у людей поднимается. Из-за чего ещё тогда?...

<http://bllate.org/book/12345/1101754>